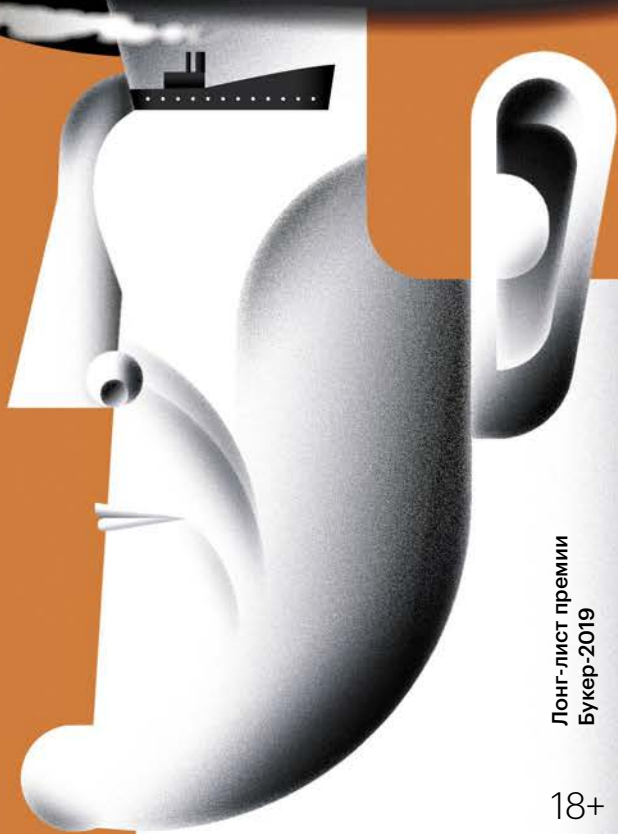

Кевин
Барри

НОЧНОЙ ПАРОМ В ТАНЖЕР

Лонг-лист премии
Букер-2019

18+

Гангстерское драмеди о любви,
взаимных предательствах и вине,
полное мрачного юмора и лиризма

Оглавление

<i>Глава первая. Девушки и собаки</i>	7
<i>Глава вторая. Сиська с татуировкой</i>	41
<i>Глава третья. Варварийский берег</i>	53
<i>Глава четвертая. Любовники у Северных ворот</i>	73
<i>Глава пятая. Матушка Кулак и ее пять дочерей</i>	99
<i>Глава шестая. Чары</i>	119
<i>Глава седьмая. Их несчастья</i>	141
<i>Глава восьмая. Ночной клуб «Иуда Искарот»</i>	151
<i>Глава девятая. Прирожденный экстрасенс</i>	167
<i>Глава десятая. Рана от жеста</i>	183
<i>Глава одиннадцатая. Последняя ночь нашего знакомства</i>	201
<i>Глава двенадцатая. Сегодня в дурке кино</i>	207
<i>Глава тринадцатая. Синтия и Дилли — неизвестная история</i>	225
<i>Глава четырнадцатая. Дождливая ночь в Альхесирасе</i>	243

В порту Альхесираса, октябрь 2018 года

Неужто конца-края этому не будет, Чарли?

Да ты сам не хуже меня знаешь, Морис.

Два ирландца мрачнеют в промозглом свете терминала, страдальчески и горестно жестикулируют — они родились с такими жестами и с легкостью ими разбрасываются.

Ночь в старом испанском порту Альхесираса.

Да и хуже места не придумаешь — тут прямо-таки надо отрастить глаза на затылке.

В паромном терминале жуткая атмосфера, зловещее чувство. Разит уставшими телами и страхом.

Видны потрепанные плакаты — пропавшие без вести.

Слышны объявления таможни — narcotraficante.

Варится в собственном ночном поту слепец, продает лотерейные билеты и щелкает зубами, как жирный гремучий гад, — лучше от его присутствия не становится.

Ирландцы беспечно глядят на лица прохожих, расплывающиеся в семи человеческих тревогах: любовь, скорбь, боль, сентиментальность, алчность, похоть, желание умереть.

Выше над ними, по эскалатору, — кафе-бар: шипит ожиданием, звенит жизнью.

Есть окошко с надписью *Información* — ну очень полезное, и под ним вопросительно торчит небольшой карниз.

Морис Хирн и Чарли Редмонд сидят на скамейке в нескольких метрах к западу от окошка. Им чуть больше пятидесяти. Теперь-то годы катят как волны. Их лица старой закалки — твердые линии подбородков, безалаберные рты. И по-прежнему — чуточку — лихой вид.

Оба в идеальном тандеме поворачиваются к окошку со знаком *Información*.

Не подскочишь, Чарли, не спросишь еще разок, для верности? Когда там, бишь, следующий паром?

Да, но там все тот же сидит. С кислой рожей. Он не из разговорчивых, Мосс.

А ты попробуй, Чарли.

Чарли Редмонд встает со скамейки, рассыпая кряхтенье. Разминает длинные кости. Подходит к окошку.

Он хромает и подволакивает неживую правую ногу с мягким скользящим движением, с натренированной легкостью. Забрасывает на стойку локти. Излучает наглую угрозу. Цепляет гримасу уличного пацана. Его испанский акцент — родом с севера Корка.

Hola y buenos noches¹, говорит он.

Долго ждет, оглядывается через плечо, окликает Мориса.

Глухо, Мосс. Так и смотрит с кислой рожей.

Морис грустно качает головой.

Блин, ненавижу безграмотность, говорит он.

Чарли пробует еще раз.

Hola? Прошу прощения? Хотел узнать насчет следующего парома, который с Танжера? Или... в Танжер?

Печальное молчание; жест.

Чарли оглядывается на друга и пожимает плечами, как *informacionista*.

Тут только руками разводят, Морис.

Ты ему *habla inglés*² скажи, Чарли.

Но Чарли уже всплеснул руками и шаркает обратно к скамейке.

«Хуябла», говорит. Только руками разводит и глазами хлопает.

¹ Здравствуйте и добрый вечер (*исп.*). — Здесь и далее прим. пер.

² Вы говорите по-английски? (*исп.*)

И рожа как от неудачного брака, говорит Морис.

Резко разворачивается и вопит в окошко:

Рожу попроще сделай, сука!

...и теперь довольно склабится.

Такая развязная скверная улыбка мелькает у Мориса Хирна часто. Левый глаз у него мутный и мертвый, правый — как заколдованный, жизнь в нем бьет ключом, словно компенсация. На Морисе потрепанный пиджак, черная рубаша с распахнутым воротом, белые кроссы и котелок, задвинутый далеко на затылок. Сразу видно: когда-то во все края мужик, но уже давно нет.

Ну ты прям поставил его на место, Морис. Прям вправил мозги.

А Чарли Редмонд? Лицо какое-то старомодное, как у придворного шута — средневековое, того и гляди сбавает на лютне. В каких-нибудь там зарослях лабазника. Жаркие любвеобильные глаза и опять же потрепанный костюм, но стильные туфли ржаво-рыжего цвета — пара замшевых штиблет, от которых так и тянет борделем, и чудный галстук из зеленого вельвета. А еще расстройство желудка, мешки под глазами, как могилы, и вдобавок расстройство души.

На полу, между их ног, сумка — старый раздолбанный «Адидас».

Сколько лет мы сюда наезжаем, Чарли?

Да уж.

Так-то подумать, язык пора уже знать.

Да тормоза мы, Морис.

И не говори.

Бедный Морис Хирн из Тохера, человек с социального днища, обозревает толпу.

Вдруг кончик шнобеля Чарли подергивается, считывая перемены в воздухе терминала.

Polícia, говорит он.

Где?

Ты чем смотришь? Вон.

Напугал, блин. Выдохни, Чарли.

Знаешь что, Мосс? Не завидую я твоим шансам в альхемирской тюрьме. Сечешь? В общей-то камере?

Да я слишком красивый для общей, Чарли. Получаса не пройдет, как буду чьей-нибудь супругой. «Педро, иди скорей, ужин готов».

Polícia снова растворяется в толпе.

Толпа к этому времени растет.

Никто не знает, что сегодня придет или уйдет по Гибралтару — на другой стороне волнения; в Танжере неспокойно, и уже не в первый раз.

Может, мы тут на часы застряли, Морис.

Так-то они не сдвинутся до двадцать третьего. А еще не полночь.

Да, вот только до какого конца двадцать третьего? Зашевелятся в пять минут первого? Или без пяти минут полночь? Это все двадцать третье. Вдруг весь день сидеть придется.

Благодаря высоким окнам взору предстает зарисовка сложного освещения в порту Альхесираса. От света прожекторов, зависшего смога и остаточной рефракции после солнцепека позднего октября воздух густой и дымный, и ночь от этого светится — глаз не отвести — и такая непроглядная. И тяжелая — самое оно для призраков, которые висят здесь над нами.

Скрипит динамик — тирада быстрых испанских согласных на пылком андалузском наречии — и мужчин раздражает это вмешательство.

Объявление все не кончается, задыхается и усложняется — уже на подходе к истерике — и, не зная языка, ирландцы теряются и злятся.